

УДК 329

Феномен праворадикализма: история развития**Яшкова Татьяна Алексеевна**

Доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: Yashkova@yandex.ru

Голубничий Дмитрий Андреевич

Аспирант,
Академии труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: golubnichy_science@mail.ru

Аннотация

Авторы рассматривают феномен праворадикализма как черты политико-правовой культурной традиции. В статье обозначены основные концепции, позволяющие детерминировать определение правый радикализм через описание схожих и различных черт с другими политическими движениями. Обсуждается вопрос о главные идеи идеологии праворадикализма. Исходя из исследуемых доктринальных источников делается прогноз о возможных перспективах развития правого радикализма в современном мире. Констатируется, что понятие «радикализм» и все его производные являются многообразными явлениями, которые тесно переплетены с иными политическими концептами.

Для цитирования в научных исследованиях

Яшкова Т.А., Голубничий Д.А. Феномен праворадикализма: история развития // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 7А. С. 41-48.

Ключевые слова

Правый радикализм, консерватизм, фашизм, дихотомия, политические движения, политическая теория.

Введение

В связи с активизацией в мире, а в частности, в Европейском Союзе [Рыжов, 2018] партий, которые называют себя «праворадикальными», необходимо понимать, какими ценностями оперируют лидеры таких партий, какой электорат или целевая аудитория этих партий, а также на сколько они популярны среди общества. Авторами будет проведен анализ концепта «правый радикализм», который используется в ряде «классических» и современных работ в рамках политических идеологий (консерватизм, национал-большевизм, фашизм), и дискурсивной практики некоторых праворадикальных партий Европы в контексте электорального роста данных организаций и актуализации соответствующей повестки в современном мире.

Основная часть

Для начала необходимо отметить, что ученые не смогли прийти к единому пониманию определения «правый радикализм», в связи с отсутствием четких критериев и особенностей его проявления в современном мире.

Одно из мнений, которое бытует в научной среде, это то, что радикализм сложно охватить одним определением, поскольку он сможет описать только один из множества аспектов радикализма. Именно поэтому все понятия «радикализм», которые были предложены различными учеными относительно, что подтвердил в свое время физик-теоретик А. Эйнштейн.

Для того, что попытаться определить основные характеристики концепта «радикализм» необходимо обратиться к истории и рассмотреть, какую работу в отношении определения основных положений термина уже проделали до нас.

Одну из наиболее фундаментальных попыток такой типологизации предпринял А. Малер. Он возводит типы радикализма к социокультурным основаниям этого явления и пытается выявить его природу в контексте сравнительного анализа двух типов мировоззрения, составляющих, по его мнению, философский базис теории и практики современных радикальных движений.

Так, политическая теория анархизма, которую Малер отнёс к нигилистическому типу радикализма, включает в себя достаточное количество конструктивных идей об организации безгосударственного общества, в то время как «фундаменталистский» сталинизм практически уничтожает старый мир дореволюционной России, показав тем самым свой нигилистический заряд. Кстати, в отличие от «нигилистического» национал-социализма, сталинизм как в теории, так и на практике оказался гораздо более последовательным сторонником деконструкции существующего порядка.

Кроме того, в своей статье итальянский исследователь М. Кайяни указывает на некоторую дихотомию, существующую среди авторов, занимающихся этим вопросом. С одной стороны, в работах по соответствующей проблематике делался акцент на политических партиях, выборах и электоральном поведении (например, работы таких известных исследователей, как Э. Картер и П. Игнаци), не слишком много внимания уделяя той среде, в которой праворадикальные идеи находят свою поддержку. С другой стороны, как подчеркивает М. Кайяни, исследователи социальных движений пренебрежительно относились к правому радикализму (исключение, пожалуй, составляют такие крупные ученые как М. Минкенберг и К. Мадде), относя его к области научных изысканий специалистов по терроризму и политическому насилию и отдавая предпочтение в выборе объекта своих исследований радикализму левому [Кайяни, 2017].

На Западе правыми традиционно называют сторонников модели рыночного регулирования экономики, стремящихся к снижению уровня государственного вмешательства [Мадалиев, 2016]. В то же время в социальной и культурной сферах они отстаивают традиционные ценности, представительскую демократию, считая при этом излишними альтернативные ультра-демократические модели. Ультраправыми или правыми радикалами чаще всего называют различные маргинальные группировки националистического или фашистского толка.

Праворадикальную идеологию характеризуют как совокупность идей авторитаризма, этнонационализма, фашизма, расизма, ксенофобии и религиозного фундаментализма [Хиллард, Кит, 1999]. Однако в эпоху идеологических гибридов практически любой консервативный дискурс содержит в себе идеи такого рода, и вопрос состоит как раз в том, чтобы идентифицировать особую конфигурацию таких идей, составляющую идеологическое своеобразие правых радикалов [Поцелуев, 2014].

Идеологию также можно характеризовать, к примеру, по её функциям. К этому особенно склонна марксистская традиция. Основную функцию праворадикальной идеологии она усматривает в том, что та удовлетворяет потребность господствующего класса в новой политической силе, способной компенсировать слабости традиционного (либерально-демократического) политического механизма и погасить революционные выступления трудящихся [Галкин, Рахмиров, 1987]. В чём же состоит её отличие от собственно праворадикальной идеологии?

Представитель британского консерватизма Э. Берк классифицировал идеологию через понятия, т.н. фиксированный набор ключевых идей. Так, например, приводятся следующие идеи, которые характерны для консерваторов:

- конкретные права;
- органическая концепция общества как вечного партнерства;
- история как аккумулированная мудрость всех поколений;
- естественное неравенство людей, и, как следствие, неравенство их статусов и владений;
- уважение к власти и её институтам, закону и религии;
- принятие постепенных изменений внутри структур, отвечающих перечисленным ценностям [Фриден, 2006].

Типичным выражением такого понимания консерватизма Фриден считает статью С. Хантингтона «Conservatism as an Ideology» [Хантингтон, 1957]. Для Хантингтона консерватизм — это позиционная идеология, которой не хватает собственной интеллектуальной традиции и самостоятельных идей.

Вера во внечеловеческие основы общества снижает достоинство и статус индивида, наделённого свободной волей, ставит под вопрос рациональность «искусственных» человеческих планов, ограничивает силу государства и социальной организации. Одним словом, это маргинализирует роль политики как тщательно спланированной, целенаправленной деятельности людей. Такой политический скептицизм следует отличать от либеральных стремлений оградить частную сферу человека от чрезмерного вмешательства государства. В случае консерватизма речь идёт о более фундаментальном ограничении политики до сферы возможного, которое не угрожает социальному порядку. Политика для консерватора уместна только в той мере, в которой она занимается поддержанием правил, защищающих внечеловеческий порядок с его органическим процессом изменений, защищающих от неизбежного авантюризма «человеческого гения», столь любимого либералами и социалистами

[Тагиефф, 1990].

В правом радикализме главная идея идеологии состоит — если использовать предложенную Р. Гриффином терминологию — в палингенетическом мифе, т. е. мифе о повторном рождении национальной (расовой) общности [Поцелуев, 2014].

Давно известно, что консервативный и праворадикальный дискурс сходятся в критическом отношении к рационализму, однако идейная мотивация этого критицизма разная. Консерваторы не приемлют буржуазный рационализм, поскольку он:

- утверждает суверенитет личности;
- бросает вызов существующей власти во имя абстрактной логики;
- не основан на практических знаниях;
- питает химеру внешне организованных социальных отношений.

Для консерватора личность допускается только внутри сдерживающих её социальных и моральных структур (норм), где она маргинализована за счет порядка, стабильности и непрерывности. Для политического радикализма такое умаление личностного начала недопустимо. Правые радикалы критикуют рационализм как мировоззрение мелкого обывателя, движимого эгоистическим расчетом и неспособного подняться до мистических вершин национальной (расовой) идеи, мифа.

А.А. Галкин и П.Ю. Рахшмир убедительно показывают феноменологию этой мутации на примере «обновленческих тенденций» в немецком консерватизме после Ноябрьской революции 1918 г. в виде младоконсерваторов, идеологов «прусского (немецкого) социализма» и «консервативной революции». Здесь важно, как при этом консервативная позиция, с одной стороны, в русле своей «шарнирно-зеркальной морфологии» превращает в смежные концепты ядерные концепты конкурирующей с ним идеологии социализма и большевизма, маргинализируя одновременно корневые концепты либерализма. У Освальда Шпенглера рабочий социализм становится «прусским социализмом», а пролетарский интернационализм — «расовым интернационализмом». Показательным в этом отношении было и поведение основателя «Антибольшевистской Лиги» Э. Штадлера, который тоже «стремился не выдвигать новые идеи, а перехватывать те, которые уже получили широкое признание, вкладывая в них иное содержание» [Галкин, Рахшмир, 1987].

Национал-большевизм традиционно связывают с идеями, развитыми в среде русской эмиграции, но М. Агурский справедливо замечает, что «формирование национал-большевизма не обошлось без немецкого влияния» [Агурский, 2003]. Заметим, что в «национал-большевизме» В. Ленин и К. Радек обвиняли не переметнувшихся к большевикам традиционалистских консерваторов, а часть своих коммунистических коллег из охваченной национальным кризисом Германии. Однако и в консервативном лагере наблюдалось движение в сторону большевиков. Эта линия уже заметна в «Третьем Рейхе» Мёллера ван ден Брука, в его идее «консервативного восточного блока», включающего Россию, хотя и без большевиков. В то время как консервативно-революционный идеал, развивавшийся в публикациях журнала «Спротивление», уже вполне реабилитировал большевизм. Правда, тем самым этот идеал отнюдь не образовывал гибрида с большевистской идеологией, но лишь создавал его идеальный образ, его праворадикальную стилизацию.

Установившуюся на Западе идеологическую гегемонию правых консерваторов следует учитывать и при оценке идеологических процессов, имевших место в России за последние три десятилетия. Идеологическая тропа от горбачевского «нового мышления» через концепт «управляемой демократии» и до понимания России как «нации-цивилизации» пролегает в этом

общем неоконсервативном русле, и здесь не так много собственно «русского пути», как это иногда представляется.

Если в западных исследованиях после публикаций работ [Гриффин, 1993; Пейн, 1996; 2003] и др. удалось достичь некоторого консенсуса в трактовке данного понятия, то в отечественной науке эта проблема до сих пор не решена. Отсутствие чётких критериев квалификации того или иного комплекса идей в качестве фашистской идеологии затрудняет проведение конкретных исследований, которые позволили бы выявить степень распространения этих идей и социальную базу потенциального фашистского движения.

В результате этого складывается опасная ситуация, когда научные исследования не имеют прогностической силы и вынуждены фиксировать распространение фашистской идеологии уже «по факту», по тем эксцессам, которые являются результатом, а не причиной данного феномена. Тем более в сложной ситуации оказываются государственные органы по профилактике и противодействию экстремизму и радикализму. В связи с этим крайне важным представляется уточнение, конкретизация и операционализация того комплекса идей, который следует признавать (про)фашистским.

Как разъясняет работ [Гриффин, 1993], «в основу палингенетического политического мифа положена вера в то, что современники уже переживают или собираются пережить «преображение», «водораздел» или «поворотный момент» в историческом процессе». Содержательно палингенетический миф связан с идеей революционного преобразования общества. Однако термин «революция» трактуется не в его первоначальном значении — как возвращение к идеализированному прошлому, что имело место в циклическом видении истории, — но в «радикально не-реставрационном смысле «второго рождения», происходящего после периода осязаемого упадка». Тем самым палингенетический миф воспекает «новое начало» или «возрождение» после кризиса. Крайне характерной для этого мифа является идеологема мессиански осмысленного «нового человека» — «политизированная версия типичного «мифа героя». Вождизм и культ личности, традиционно приписываемые фашистской идеологии, на самом деле не являются её атрибутами, хотя и вытекают из идеологемы о «новом человеке».

Прежде, чем сделать выводы следует дополнить результатами исследований известного итальянского историка Э. Джентиле, который выделил десять ключевых элементов идентификации фашизма:

- массовое движение, основывающее свою идентичность на чувстве товарищества, связывающее себя с миссией национального возрождения и имеющее целью установление «нового» антипарламентского режима;
- «антиидеологическая» и прагматическая идеология, провозглашающая себя антиматериалистической, антииндивидуалистической, антилиберальной, антидемократической, антимарксистской, является популистской и антикапиталистической в тенденции; эта идеология выражает себя более эстетически, чем теоретически, с помощью нового политического стиля и мифов, обрядов и символов; она выступает в роли мирской религии, призванной интегрировать массы с целью создания «нового человека»;
- культура основана на мистицизме и трагическом активизме, на превознесении милитаристской политики как модели жизни и коллективной деятельности;
- тоталитарная концепция примата политики в виде полного слияния личности и массы в мистическом единстве нации как этнического и морального сообщества; дискриминация

- «врагов» нации или режима;
- гражданская этика основана на тотальной приверженности национальному сообществу, на дисциплине, мужественности, духе товарищества и воинства;
- одна партия, которая ставит своей задачей обеспечение вооружённой защиты режима, отбора руководящих кадров и организации масс внутри государства;
- полицейский аппарат, предупреждает, контролирует и подавляет инакомыслие и оппозицию посредством организованного террора;
- политическая система организована иерархически и увенчана фигурой вождя, наделённого сакральной харизмой, который направляет и координирует деятельность партии и режима;
- корпоративная организация экономики, которая подавляет профсоюзы, расширяет сферу государственного вмешательства и добивается на основе принципов технократии и солидарности сотрудничества с «секторами производства» при сохранении частной собственности и классового расслоения;
- внешняя политика вдохновляется мифом о национальном могуществе и величии с целью империалистической экспансии [Пайн, 1996].

Рассматривая такие понятия как «радикализм», «фашизм», авторы хотели бы также отметить необходимость акцентировать внимание на такой термин, как «популизм», поскольку, по нашему мнению, он также является неотъемлемой частью исследования.

Термин «популистский» означает опору на массу, на «власть народа», как способ легитимации элит или революционных «авангардов». Термин «ультранационализм» близок по смыслу к «интегральному» или «радикальному» национализму и означает ту форму национализма, которая последовательно отрицает либеральные институты и гуманистическую традицию Просвещения. Тем самым «популистский ультранационализм» отказывается от принципов как абсолютизма, так и плюралистического представительного правления: «В веберовских терминах он / популистский ультранационализм / отвергает и «традиционные», и «легальные/рациональные» формы политики в пользу превалирования «харизматических» форм, в которых сплочённость и динамизм движений зависят почти исключительно от способности их лидеров стимулировать лояльность и действие».

Заключение

В данной статье авторами были рассмотрены основные научные взгляды на термин «правый радикализм», что подтверждает первоначальное предложение автора об отсутствии единого подхода к определению терминов «радикализм» и «правый радикализм» в научном сообществе.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию можно отметить, что понятие «радикализм» и все его производные являются многогранными феноменами, которые тесно переплетены с другими политическими концептами.

Библиография

1. Агурский М. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 320 с.
2. Галкин А.А., Рахмиров П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука. 1987. 192 с.
3. Гриффин Р. Природа фашизма. Лондон и Нью-Йорк: Раутледж. 1993. 251 с.
4. Итвелл Р. Об определении «фашистского минимума»: центральное положение идеологии // Журнал политических идеологий. 1996. Т. 1. № 3. С. 303-319.

5. Кайани М. Радикальные правые движения: кто, когда, как и почему? 2017. [Электронный ресурс] // Sociopedia.isa. URL: <http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/RadicalRightMovements.pdf>
6. Мадалиев М.М. Некоторые особенности формирования элиты в современном глобальном политическом пространстве // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16. № 6. С. 37-40.
7. Поцелуев С.П., Константинов М.С. Современный правый радикализм: пробы идентификации признаков // Политическая концептология. Вып. 3. 2014. 217 с.
8. Пейн С.Г. История фашизма, 1914–1945. Лондон: Раутледж. 1996. 628 с.
9. Рыжов В. Б. Европейский союз: динамика развития и накопившиеся проблемы [Электронный ресурс] // Международное право и международные организации. 2018. № 2. С. 42-50. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25693
10. Тагиефф П.-А. Новый культурный расизм во Франции // Telos. Весна. 1990. № 83. С. 109-122.
11. Фриден М. Идеологии и политическая теория: концептуальный подход. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета. 2006. 592 с.
12. Хиллард Р.Л., Кит М.С. Волны гнева: Армонк, Нью-Йорк: М.Э. Шарп Инк. 1999. 309 с.
13. Хантингтон С.П. Консерватизм как идеология // Американское обозрение политических наук. 1957. Т. 51. С. 454-473.

The Phenomenon of Right-Wing Radicalism: History of Development

Tat'yana A. Yashkova

Doctor of Political Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Sociology,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90, Lobachevsky str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Yashkova@yandex.ru

Dmitrii A. Golubnichii

Postgraduate student,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90, Lobachevsky str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: golubnichy_science@mail.ru

Abstract

The authors consider the phenomenon of right-wing radicalism as a feature of the political and legal cultural tradition. The article outlines the main concepts that allow determining the definition of right-wing radicalism through the description of similar and different features with other political movements. The issue of the main idea of the ideology of right-wing radicalism is discussed. Based on the doctrinal sources studied, a forecast is made about the possible prospects for the development of right-wing radicalism in the modern world. It is stated that the concept of "radicalism" and all its derivatives are diverse phenomena that are closely intertwined with other political concepts.

For citation

Yashkova T.A., Golubnichiy D.A. (2024) Fenomen pravoradikalizma: istoriya razvitiya [The phenomenon of right-wing radicalism: history of development]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (7A), pp. 41-48.

Keywords

Right-wing radicalism, conservatism, fascism, dichotomy, political movements, political theory.

References

1. Agursky, M. (1987) *Ideologiya natsional-bol'shevizma* [Moscow: Algorithm] 320 c.
2. Galkin A.A., Rakhshmir P.Y. (2015) *Konservatizm v proshlom i nastoyashchem* [Moscow: Nauka] 192 c.
3. Griffin, R. (1993) *Priroda fashizma* [London i N'yu-York: Rautledzhe] 251 s.
4. Eatwell, R. (1993) *Ob opredelenii «fashistskogo minimuma»: tsentral'noye polozheniye ideologii* [Journal of Political Ideologies] T. 1. № 3. C. 303-319.
5. Kayani, M. (2017) *Radikal'nyye pravyye dvizheniya: kto, kogda, kak i pochemu?* [Electronic resource] // Sociopedia.isa. URL: <http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/RadicalRightMovements.pdf>
6. Madaliev, M.M. (2016) *Nekotoryye osobennosti formirovaniya elity v sovremennom global'nom politicheskom prostranstve* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University] T. 16. № 6. C. 37-40.
7. Payne, S.G. (1996) *Istoriya fashizma, 1914-1945*. [London: Routledge] 628 c.
8. Potseluev, S.P., Konstantinov, M.S. (2014) *Sovremennyy pravyy radikalizm: probam identifikatsii priznakov* [Political Conceptology] 217 c.
9. Ryzhov, V. B. (2018) *evropeyskiy soyuz: dinamika razvitiya i nakopivshiyesya problemy* [Electronic resource] International Law and International Organisations] № 2. C. 42-50. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25693
10. Taghieff, P.-A. (1990) *Novyy kul'turnyy rasizm vo Frantsii* [Telos. Spring] № 83. C. 109-122.
11. Frieden, M. (2006) *Ideologii i politicheskaya teoriya: kontseptual'nyy podkhod*. Oksford: [Oxford University Press]. 592 c.
12. Huntington, S.P. (1957) *Konservatizm kak ideologiya* [American Political Science Review] T. 51. C. 454-473.
13. Hilliard R.L., Keith M.S. (1999) *Volny gneva*: [Armonk, New York: M.E. Sharpe Inc] 309 pp.